

В НОМЕРЕ:

2.

ТЕРИЙОКСКИЙ
ДНЕВНИК

3.

СКАНДАЛЬНАЯ
СЕССИЯ

ГОРСОВЕТА

4.

ВОСПОМИНАНИЯ
ЖЕНЫ

Г. В. ПЛЕХАНОВА

5.

ДЕТСКАЯ
ПСИХИАТРИЯ

6.

АМЕРИКАНСКИЙ
РАССКАЗ

7.

ПРОГРАММА ТВ

8.

РЕКЛАМА
КРОССВОРД

Особняки царских кондитеров — жителям страны Советов (За заборами бывших партийных дач)

ВЕСНА на пороге, господа. «Утро года», как говорил поэт. А там, глядишь, и дачные сборы, и чаепития на веранде, и скоропалительные летние романы. Потянутся из Питера в курортную зону вереницы черных автомобилей уже демократического начальства, и все пойдет, как прежде.

Впрочем, нет. Приметой весенне-летнего сезона-92 станет белый «мерседес», регулярно прибывающий в богом избранное Комарово не из Питера, а из сопредельного государства. Ибо л'амур, зародившийся год назад в романтической белой даче когда-то принадлежавшей всероссийско известному кондитеру Жоржу Борману, а затем поочередно коммунистическим лидерам Ленинграда, этот л'амур продолжается и поныне. Потому как нет уз святее бизнеса, и речь идет о романе сугубо служебном, приносящем плоды в виде вожделенных долларов.

Вот что удалось увидеть корреспонденту за большим зеленым забором, окружающем бывшие партийные дачи в Комарово по Морской улице в сентябре прошлого года. Самым очаровательным и загадочным был дом под номером 14 — высокое белое здание в стиле модерн с башенкой, цветущими розами, кипарисами и каменным фонтаном перед входом, с оранжереями и теннисным кортом, со следами косметического ремонта и еще не распакованной пухлой мебелью.

Тревожило абсолютное безлюдье усадьбы, но, когда в окне дома obsługi показались два молодых человека явно спецслужбовской наружности и неразговорчивости, все стало знакомым, родным, советским. Значит, даже прошлогодние августовские вихри враждебные не в состоянии изменить ход вещей, раз две раззявы с наганями и бицепсами по-прежнему при исполнении. Разница лишь в том, что сменился хозяин, и новый тоже всеми силами пытается доказать

свою полезность и право на проживание в памятнике архитектуры.

Теперь разве что, на фото начала века увидишь, каковы были Келломяки, Терийоки и окрестности при прежнем режиме. Нет ни пляжей с водными трамплинами, ни антикварных лавок, ни бесчисленных пансионатов на все вкусы и кошельки. Дом Жоржа Бормана — единственная сохранившаяся именно усадьба, и не случайно на нее был положен глаз партийного руководства. Взглядам же беспартийных граждан препятствовал безумный зеленый забор традиционно окружающий зоны и загородные психолечебницы. Следует признать, что партийный присмотр сберечь в деревянном, оштукатуренном особняке уникальную мебель, камин, первозданность планировки. Издержки вкуса сказались на замене дубовых настенных панелей древесно-стружечными плитами и чугуноного литья ограды — плотным штакетником.

Однако, это было вполне обратимо, и, в первую очередь, благодаря тому, что в 1989 году усилиями районного архитектора ГИОП Ольги Калинкиной, здание было признано памятником архитектуры и взято под охрану с намерением немедленно реставрировать его. Восстановлению подлежала и прилегающая территория со всеми комплексами приусадебных построек, дорожек и ландшафтных полей.

Однако, когда под свист и улыбоканье из особняка изгнали руководящих товарищей, реализация этих планов стала весьма проблематичной. Здание на Морской, 14, как и еще три объекта в Солнечном и Приозерске уже, правда, гиоповские, с баланса обкома партии были переданы на баланс технического управления исполкома Ленсовета с тем расчетом, чтобы используя их для бизнес-контактов с зарубежными технократами, зарабатывать городу валюту. Кто же против такой благородной цели, кто про-

тив того, чтобы дать и науке, и технике немного конвертируемых средств? Ленсовет проголосовал «за» и поручил созданному при техническом управлении малому предприятию «Демо» заниматься зарабатыванием денег на дачах бывших руководителей.

Слово «Демо» никакого отношения к слову «Демократия» не имеет. Оно распадается на две части — «де» и «мо» и означает «деловой мост». Именно его и начала строить ровно год назад директор МП «Демо» Зинаида Глебовна Кубасова, прежде руководившая исполкомовским техническим управлением. Она исходила из того, что бизнесмены — тоже люди, и кроме бесед на коммерческие темы и подписания важных бумаг, им иногда хочется и приватной жизнью пожить, и на Вуоксе «серых уток пострелять». Поэтому важнейшим направлением работы «Демо» стала сдача в аренду помещений на условиях проживания в гостиницах РСФСР. А кроме того — организация спортивно-оздоровительного отдыха, концертно-артистической деятельности и медобслуживание, для чего вполне приспособлены и дача Ходырева в Солнечном, и 6-ти местный охотничий приют в Красноозерском охотхозяйстве под Приозерском. Правда, бизнесменам сейчас не до того, и местные жители возражают против истребления иностранцами нашей фауны. Приходится питерские предприятия приглашать, но какой толк с их деревянных рублей...

Поэтому главные надежды возлагались, как и всегда, на ценность, с годами становящуюся все дороже — на старинный дом в Комарово. Он подходил как для жилья (наверху три номера с удобствами), так и для делового общения — первый этаж напоминает картинку из зарубежного журнала, адресованного деловым людям. Респектабельно, достойно, перспективно. И вот, 2 марта 1991 года, между МП «Демо» и финско-шведской фирмой «Кушнарефф» был заключен договор об аренде сроком на 10 лет.

При определении размера оплаты за аренду исходили из балансовой стоимости здания — 493 тыс. рублей. Сейчас ее надо умножить на поправочный инфляционный коэффициент 2,9. Договором оговариваются условия найма персонала, обязательность использования здания только по прямому назначению — как гостиницу и служебный офис, возвращение его в надлежащем состоянии по окончании срока аренды. О том, что здание является памятником, что арендатор берет его не только сохранить, но и отреставрировать — очевидно, что силами зарубежных партнеров только и возможно восстановление уникальных сооружений — об этом в договоре ни слова.

Вместо этого фирмой «Кушнарефф» делается косметика фасада — без необходимых в таких случаях разрешения инспектора ГИОП, архитектурно-реставрационного здания и других аналогичных документов, Ольга Калинкина в августе 1991 года закрыла актом все работы и предложила директору «Демо» Зинаиде Кубасовой оформить с инспекцией охраны памятников официальные отношения, но, увы, Зинаида Глебовна, уверенно чувствуя себя прикрытой управделами мэрии, укомплектованного бывшими партийно-советскими функционерами, полагает, что раз это надо ГИОПу, то пусть он к ней и идет на поклон.

Так тянется с августа прошлого года, и за это время — вдруг! Совершенно неожиданно! — выяснилось, что общаться по делу в бывшем партийном особняке партнерам фирмы «Кушнарефф» не очень-то сподручно. Гораздо удобнее встречаться в «Прибалтийской», а дом на Морской, 14, использовать для проживания супруги главы фирмы «Кушнарефф» Людмилы Валтори с детьми, в девичестве Кушнаревой.

Госпожа Валтори, будучи по-прежнему прописанной у мамы, и являясь, как сказала З. Кубасова, жителем страны Советов, возможно, догадывается, что арендная плата просто за дом, сильно отличается от арендной платы за дом-памятник, а потому избегает встреч с инспектором ГИОП Ольгой Калинкиной. Последние строители, работавшие прошлым летом на здании, сказали, что «хозяйка» расписывает интерьеры здания, что неизвестно, куда девалась прежняя мебель, что установленные на деревянных перекрытиях второго этажа ванны, представляют угрозу всему дому.

Впрочем, все эти обвинения отвергает директор «Демо», не давая, однако, возможности посетить объект ни представителю ГИОП, ни корреспонденту. И напрасно, ибо Указ Президента России от 2 июля 1991 года об уголовно-административной ответственности за нарушение использования, умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников архитектуры, остается в силе.

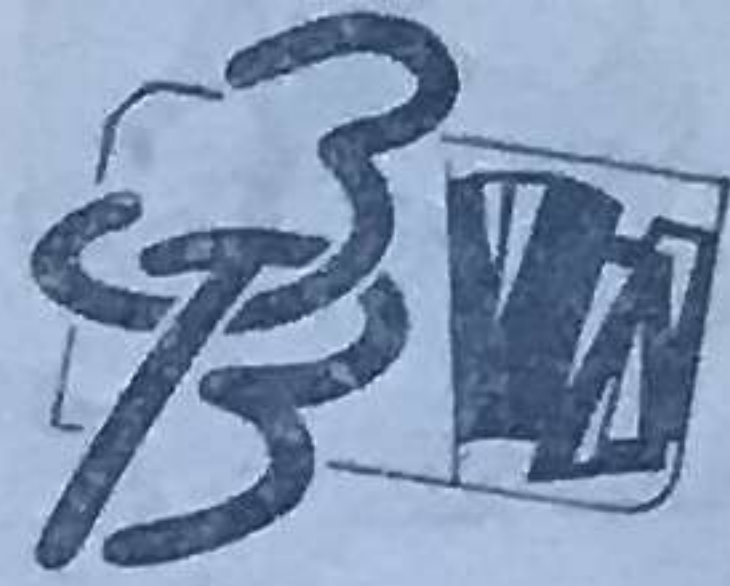
Районный архитектор ГИОП Ольга Калинкина не без основания считает, что «Демо» и «Кушнарефф» умышленно игнорируют инспекцию, умышленно не делают того, что они должны делать, а именно: эксплуатируя памятник, заботиться об его сохранности и восстановлении. Вместо этого они умышленно делают так, чтобы там было удобней жить. Ведь для того, чтобы погубить памятник, совсем не обязательно дубасить по нему кувалдой. Достаточно просто превратить его в дачу, куда по-прежнему не пускают корреспондентов.

Наталья ШМИТКО

Фотоархив «ЗВ». Терийоки. 1930-е годы.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
1992 г. 2495/12

Г. С. УСЫСКИН,

доктор
исторических
наук

ВОСПОМИНАНИЯ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ, пролежавшие 72 года

В ИЮЛЕ 1991 г. «Зеленогорский вестник» опубликовал в рубрике «Наше наследие» очерк Григория Усыскина об установке мемориального знака на месте бывшего санатория «Питкеярви», где 30 мая 1918 года скончался Г. В. Плеханов. В этом же материале указывалось, что журнал «Диалог» готовит публикацию воспоминаний жены Плеханова — «Год на родине».

Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с фрагментами этих воспоминаний. Описываемые события относятся к первой половине 1918 года, происходят в Териоках и, главным образом, в санатории Питкеярви. Роза Марковна, сама врач с большой практикой, человек наблюдательный, широко образованный, с достаточной долей объективности, описывает жизнь в санатории, историческую ситуацию зимы и весны 1918 г., процесс болезни, а точнее, угасания близкого и родного ей человека, сильного духом и неукротимой воли.

72 года находились эти воспоминания под запретом. Главным образом, из-за резких суждений Г. В. Плеханова о деятельности большевиков и В. И. Ленина в 1917-1918 гг. Как ни странно, но и сегодня не так-то просто найти и прочитать все номера журнала с публикацией этих воспоминаний.

Подготовил настоящую публикацию фрагментов воспоминаний Р. М. Плехановой доктор исторических наук Г. С. Усыскин.

ПЕРЕХОЖУ к описанию последних месяцев жизни Георгия Валентиновича Плеханова. Принимаясь за описание этого периода, я опасаюсь, что у меня не хватит ни слов, ни красок, чтобы передать чувства и переживания моего ушедшего навеки друга. Я боюсь, что не смогу воспроизвести того величия души, того спокойствия, которые не покидали Плеханова, сознававшего задолго до

Предсмертный удар был нанесен Плеханову явившимися к нам в Царском Селе матросами и красногвардейцами, и вынудившими нас покинуть наше жилище, хорошо приспособленное к лечению больного мужа. Переезд в Финляндию, вынужденный безумной оргией террора, нанес ему окончательный, последний удар.

...Припадок удушья длился недолго и на этот раз, и, как только мужу сделалось лучше, мы

шли в теплый коридор, был, действительно, проявлен жесткий и бессмысленный педантизм. Позже, четыре месяца спустя, чисто по материальным соображениям, скучили в одном верхнем этаже и женщин, и мужчин, но Плеханов уже этим удобством пользоваться не мог, он умирал.

...После настойчивой, но безуспешной борьбы в течение ряда дней, я вынуждена была удовлетвориться обещанием комнаты с центральным отоплением в нашем же этаже, с выходом в теплый коридор. Надо было ждать десять дней, нечего делать — надо ждать.

Между тем температура у моего больного не спадала, а окончательно приняла постоянный тип с маленькими колебаниями, что указывало на туберкулезную пневмонию. Опасность была велика ввиду ослабленной деятельности сердца.

...Это было в середине февраля 1918 года. Сводные сообщения были затруднительны вследствие разлива по всей Финляндии красногвардейского движения. Тем не менее после долгих и трудных хлопот явились к нам в санаторий супруги Касьяк, наши молодые друзья. Они привезли нам последние номера газеты «Наше Единство», новую газету «Начало», издававшееся социальными силами некоторых членов группы «Единство» и социал-демократов оборонцев, и разные прогрессивные газеты. Это было еще то счастливое время, когда кроме официозов, неподписанных читателям известия, тенденциозно измененные или неполные, и также не утолявшие жажды в истинных сведениях, как морская вода не утоляет жажды, выходили и другие газеты. Привезли также и книги и, что больше всего нас радовало, — письма от дочери из Парижа. Мы набросились на наших друзей с алчностью людей, живущих долгие годы в пустыне.

...Беседа с нашими приятелями затянулась дольше, чем это полагалось по правилам санатория, но, видя, какое благоприятное впечатление произвела на моего мужа беседа со свежими людьми, принесшими с собой отголосок хотя и печальной, но все-таки, жизни с родины, я уговорила наших милых гостей переночевать в санатории и пробыть с нами следующий день.

На другое утро за первым завтраком наши гости высказали мне свое удивление по поводу бодрости духа Георгия Валентиновича, которого, судя по моим письмам, они опасались заставить безнадежно тяжело больным.

В это утро и в мою душу вошел луч надежды: а может быть, я действительно смотрю слишком пессимистично на состояние мужа.

В течение дня я, по просьбе гостей и с согласия Георгия Валентиновича, опять допустила небольшую беседу, которая очень заинтересовала молодых товарищей. На их вопрос, долго ли продлится царство большевиков, Георгий Валентинович высказал мысль, которая считалась и в то время ошибочной, а мне лично очень понравилась через несколько дней после октябрьского переворота, а именно: «Большевики продержатся гораздо дольше, чем это кажется их противникам и им самим, они сильнее, чем мы все думаем. Их сила опирается на отсталость наших экономических отношений и бессознательность пролетариата». Он выразился резко. «Они держатся, — сказал он, — на народной глупости, а глупость — это база солидная. Она была базой царизма, а теперь большевистской тирании. Большевизм — это не марксизм, это смесь бланкизма и анархо-синдикализма и, чтобы держать массы в повиновении, нужна тирания избранных».

Освобождение отечества от нашего печального режима, который Плеханов называл не диктатурой пролетариата, а диктатурой одной фракции социал-демократической партии над целым на-

своей смерти ее приближение.

На переезд в Финляндию и на поселение в санатории я начала настаивать задолго до осуществления этого... Муж не прекращал работы. Я находила необходимым и неотложным увезти его из Петрограда и устроить в благоустроенном санатории, где он вынужден был бы подчиниться дисциплине и отдыхать. Доктор Аитов, заведующий терапевтическим отделением во французской больнице и руководящий лечением Георгия Валентиновича, также настаивал на помещении его в санаторий. Он откомендовал мне один, в Питкеярви, недалеко от Териоки, по его мнению, очень благоустроенный, во главе которого стоял доктор, русский немец д-р Циммерман, хороший специалист по легочным болезням. Финляндская граница была тогда открыта, проезд не затруднителен. Гражданская война, уже начавшаяся в Финляндии, носила слабый характер. Мы были далеки от мысли, что нам грозит полная оторванность от Петрограда, если покинем его для Финляндии.

Мы все-таки задержались в Петрограде до 23 января из-за паспортов и желаний Плеханова устроить одно-два собрания редакции «Единство»...

Путь до Териок прошел благополучно. Георгий Валентинович окреп от отсталости и оживленно беседовал. В Териоках на вокзале он почувствовал себя скверно. Он жаловался на стеснение в груди, одышку, сравнивая испытываемое им состояние с тем, которое он уже раз испытал, поднимаясь на Везувий.

Когда муж сказал мне в Териоках, что он почувствовал то же самое стеснение в груди и затруднение в дыхании, что на Везувии, я очень встревожилась, опасаясь сердечного переутомления вследствие ряда усилий, сделанных им в течение утра. От припадка удушья на Везувии он скоро оправился, но Георгий Валентинович был тогда моложе и крепче, процесс в его легких был тогда в периоде затишья.

Теперь же, в разгаре обострения процесса, это переутомление может повлечь за собой сильное переутомление сердечной деятельности. Опасения мои не рассеялись и после, несмотря на уверения врача санатория, что сердце Георгия Валентиновича работает недурно. И теперь, когда я думаю свою тяжелую, безнадежную думу о том, что ускорило конец жизни Георгия Валентиновича, несмотря на громадную сопротивляемость его организма, я прихожу к заключению, что главной, непосредственной причиной, преждевременно отнявшей у нас и родины Георгия Валентиновича, было ослабление сердечной деятельности, вызванное отсутствием морального и физического по-

двинулись в путь. Дорога шла лесом, было сухо и морозно. Мы с наслаждением вдыхали чистый, свежий воздух, а окружающая природа восхитила нас своей величественной красотой. Надежда наполнила мою душу, здесь, думалось мне, на лоне природы, хотя и суровой, в этом чистом воздухе Георгий Валентинович найдет исцеление.

«В таком чудесном месте нельзя не поправиться», — сказала я Георгию Валентиновичу, муж улыбнулся довольной, счастливой улыбкой.

Директор санатория доктор Циммерман и заведующая г-жа Буш встретили нас очень приветливо. Нам были приготовлены две очень уютные комнаты, небольшие, но высокие, с окнами на юг. Впечатление было благоприятное. Я вкушала счастье человека, страдавшего, измученного от долгих скитаний, который наконец нашел себе приют и покой. Самочувствие у Георгия Валентиновича было хорошее, несмотря на высокую температуру. Эта, последняя, тревожила меня, но доктор Аитов успокаивал меня, приписывая ее усталости от дороги. Муж улегся, поел с аппетитом, горячо простился с милым доктором, попросил у меня книгу и, погруженный в чтение, сколько мне помнится, истории греческой философии. Когда я ему заметила, что лучше не работать, а взять что-нибудь легкое для чтения, он мне ответил: «Ты ошибаешься, Роза, если думаешь, что я приехал сюда для отдыха и для лечения, — мне надо работать», — и он погрузился в чтение.

В первый же день нашего приезда я заметила сильный недостаток в расположении предоставленных нам комнат. Двери их выходили в холодный, неотопляющийся коридор напротив наружных дверей, откуда входил холодный, морозный воздух.

Я решила добиться лучших условий жизни моего больного и первым делом потребовать комнаты во втором этаже, обладавшем теплым коридором без сквозняков. За этим я обратилась к директрисе г-же Буш. Последняя заявила мне, что второй этаж предназначен для женщин, большим мужчинам отведен первый, и этого правила очень строго придерживается директор санатория д-р Циммерман, но, все-таки, обещала поговорить с ним и уговорить, но доктор Циммерман был неумолим.

Это было мое первое разочарование в порядках этого «образцового санатория». Я припомнила предупреждение мужа во Французской больнице.

«Мы у немцев не уживемся, их педантизм доходит часто до жесткой бессмыслицы». Он был прав. В отказе больному Плеханову в теплой комнате, выходя-

родом придет из их собственных рук, результатом их же действий.

...Наши молодые друзья покинули санаторий Питкеярви, очарованные учителем и успокоенные насчет его физического состояния. Меня же они уговаривали на прощание не волноваться, и не смотреть на будущее пессимистически. Но меня, после их отъезда, не покидала тревога.

Постоянное присутствие при нем, наблюдение за его сердцем, дыханием, не оставляло во мне ни малейшего сомнения, что дело идет к концу, и оптимизм доктора санатория приводил меня в отчаяние. Чем объяснить этот оптимизм доктора и друзей? Помогут ли ему умственными и моральными качествами больного, большой силой воли, выдержкой его. Болезни и отдыха в течение всей жизни своей, Плеханов для себя никогда не признавал. За сорок лет нашей совместной жизни Георгия Валентинович был много раз болен, но он продолжал работать, вставал и садился за письменный стол. Многие из лучших трудов вышли из-под горячего пера... Вообще Плеханов относился строго к себе «болен или не болен, но работать надо, надо только уметь организовывать свою работу».

...В день приезда нашего в санаторий Питкеярви, после отъезда доктора Аитова, муж попросил у меня книгу. Я запротестовала, заявив, что работать ему вредно после волнений и усталости, что вообще отныне он должен отдыхать, что для успешного лечения ему необходим не только моральный, но и умственный отдых, и что вообще ему надо смириться с мыслью о том, что работу ему надо оставить месяцев на шесть, если он хочет поправиться.

На мои слова последовал решительный отказ последовать советам моим и врачей санатория в данном случае... С первых же дней пребывания в Финляндии он начал серьезную умственную работу. Несколько часов в день он читал сам, делал отметки, выписки, несколько часов в день я читала ему вслух. Докончив труд по истории греческой философии, который он начал во Французской больнице, он приступил к двухтомному сочинению М. М. Щербатова, готовя дополнительную главу к 4 тому «Истории русской общественной мысли». Я же ему для отдыха читала греческих классиков: трагедии Эсхила, Софокла, Эврипида, с которыми муж никогда не расставался.

Ему оставалось одно: забвение, и это последнее давала ему работа и постоянное чтение.

Сорок лет проповеди научного социализма — и эти печальные результаты... Лицо и голос его выражали глубокую грусть.

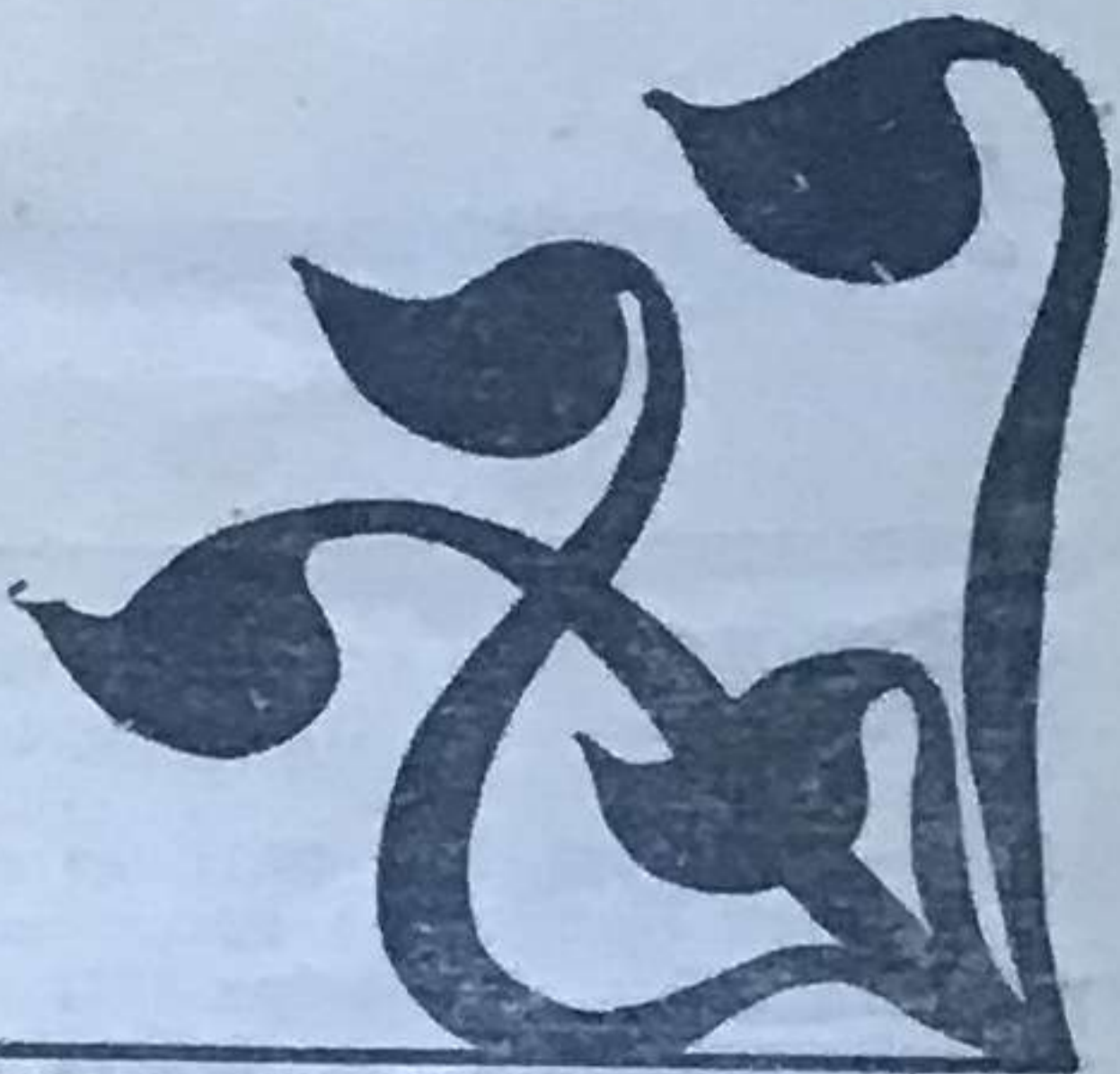
Был февраль месяц. После отъезда молодых друзей мы недели три ждали нового посещения. Письма и газеты привозил нам доктор Циммерман, директор санатория, который два раза в неделю отправлялся в Петроград на консультации. Боже, с каким нетерпением мы ждали его возвращения, и как мы набрасывались на новости из России. Шли Брест-Литовские переговоры. Слушала и читала о перемирии этих переговоров, Плеханов глубоко страдал, видя, как топчутся в грязь имя и жизненные интересы родины.

...Когда мы вычитали из газет, что переговоры с немцами прерваны, что русская делегация покинула Брест-Литовск, мы почувствовали некоторое облегчение, хотя Плеханов очень скептически отнесся к этой размолаке. Прав был один товарищ, который писал после смерти Плеханова, что сердце не выдержало Брест-Литовска. Брест и Украина не выходили из его головы. Они мучали его еще тогда, когда он был при полном сознании, они питали его бред в последние часы его жизни.

93-2495/13.

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

ВЕСТИНИК

УЧРЕДИТЕЛЬ — ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

№ 13 (63) АПРЕЛЬ 1992 г. Цена свободная.

В НОМЕРЕ:

2.

БИЗНЕСМЕН

ИДЕТ В МЭРЫ

А. СОБЧАК ПРЕДСТАВИЛ НА ДОЛЖНОСТЬ ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ЗЕЛЕНОГОРСКОГО

3.

ЖИТЬ

СТАНЕТ...

РЕШЕНИЯ СЕССИИ ГОРСОВЕТА

4.

ВСЕ

О МУЖЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЫ Г. В. ПЛЕХАНОВА

5.

АПРЕЛЬСКИЕ

АНЕКДОТЫ

6.

КРОССВОРД

КРОВАВЫЕ ДНИ

7.

ПРОГРАММА ТВ

8.

РЕКЛАМА

ВЕСЕННЯЯ сырость пока еще властвует на земле и в воздухе, но не за горами и тот день, когда пахнет теплым ветерком, копыа молодой травы проткнут влажную и теплую землю, а деревья удивят нас свежестью клейких листочков... А раз так, то скоро уже начнется и самая горячая пора для Зеленогорска и его окрестностей — пора дачная, пора отдыха, купания и короткого позволительного безделья.

Да, для дачников начинается сезон, летний сезон, и им, конечно же, хочется отдохнуть на славу. Ну, а для тех, кто обслуживает этот отдых — пора самая горячая, не для отдыха... Три дачных хозяйства, которые расположены в нашем регионе, способны принять на лето несколько тысяч отдыхающих, среди которых большинство — люди с небольшим достатком, больные, нуждающиеся в целебном климате зеленогорского побережья. Как же в этом году будет организован отдых дачников? Каковы будут цены? Готовы ли наши дачные хозяйства к приему отдыхающих? На эти вопросы ответил по нашей просьбе начальник дачного хозяйства № 2 Иван Николаевич Соколов.

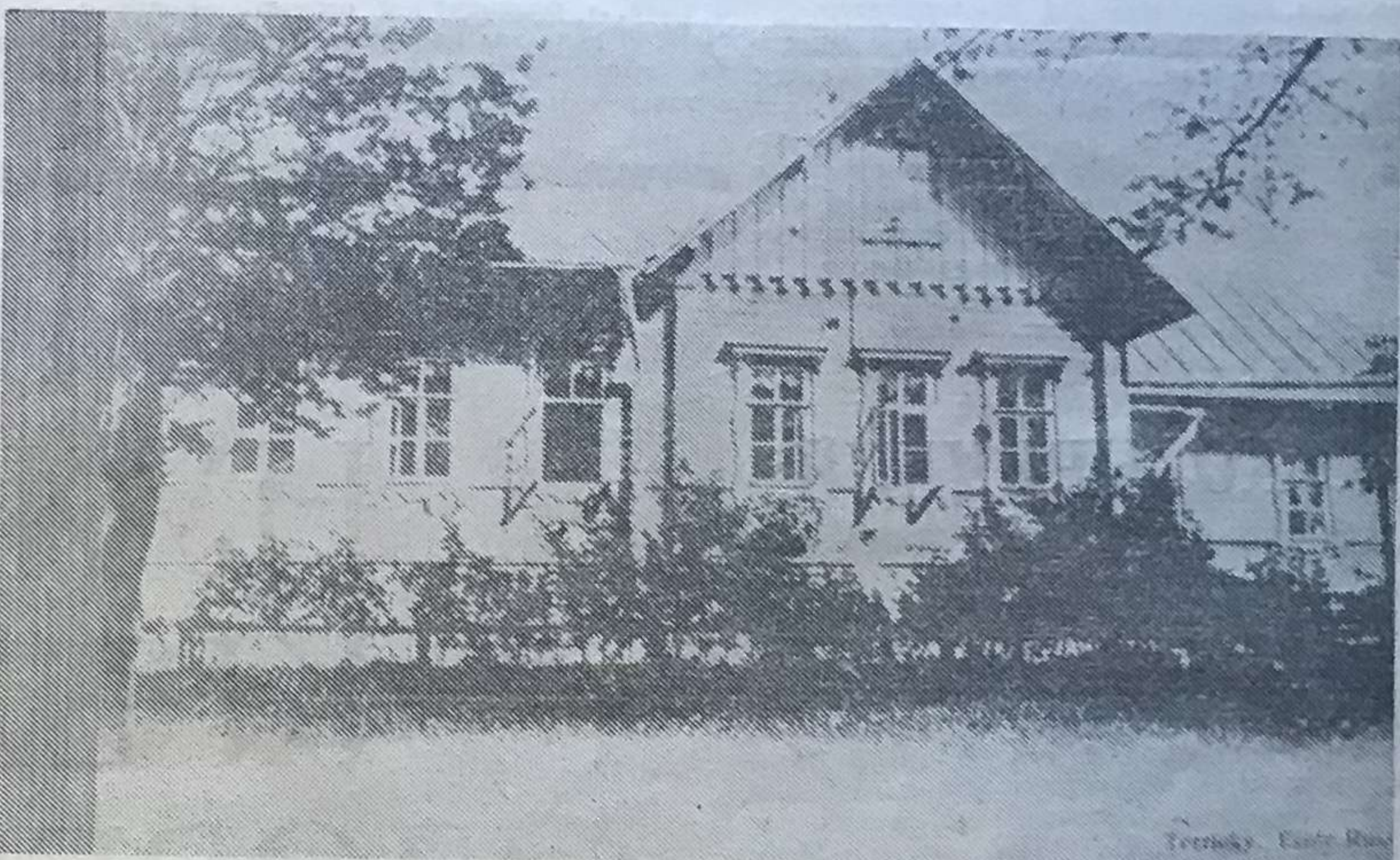
— По госзаказу мы отдаем 60 процентов наших дач, коммерческим способом сдаем в наем остальные 40. Цены установлены в этом году следующие: площадь, сдаваемая по госзаказу, оценивается так — 100 рублей за квадратный метр площади многонаселенной дачи, 50 — за аренду квадратного метра веранды; отдельные дома-дачи соответственно, 150 и 75 рублей за квадратный метр площади дачи и веранды. Имеется ввиду годовая аренда. Если же говорить о коммерческой цене, то для многонаселенных дач она составляет от 250 рублей и выше за квадратный метр площади, а для отдельных дач — 300 рублей и выше.

— Как понимать вот это слово — «выше»?

— Имеется в виду возможность для нас определять цену в зависимости от состояния дачи, близости ее к морю, благоустроенности и так далее. То есть, если дача находится в хорошем состоянии, благоустроена, рядом с берегом, в хорошем месте, то и цена квадратного метра площади будет, естественно, выше. Если условия хуже — то и цена поменьше... Конечно, мы будем учитывать все факторы и подходить к оценке площади реально, с пониманием возможностей людей.

— Насколько я понимаю, дачный фонд, сдаваемый по госзаказу, предназначен для различных категорий льготников?

— Да, эти 60 процентов нашего хозяйства предназначены для инвалидов и ветеранов войны, многодетных матерей, Героев Советского Союза... Остальные 40 процентов предлагаются всем, кто в состоя-

ДАЧИ: ЗА ЦЕНОЙ НЕ ПОСТОИМ?

нии оплатить стоимость аренды дачного помещения.

— Не сложится ли в этом году положение, которое заставило в прошлом году пустовать дачи даже в самый разгар сезона?

— В прошлом году, действительно, некоторые дачи не были сданы в аренду, так как нам очень поздно разрешили оформлять документы — решение из исполкома Ленсовета получили с большим опозданием. Да и цены в прошлом году выросли в три раза — это также нужно учитывать... В этом году, хотя цены опять возросли, очень значительно возросли, на сегодняшний день у меня очень много заявлений и от граждан, и от организаций на аренду дачной площади. На следующей неделе еду подписывать, регистрировать все эти заявления, каждое будет рассмотрено и по нему будет принято решение.

— Известно, что для дачных хозяйств зима — трудный период... Большинство дач пустует, должной охраны не могут обеспечить ни сторожа, ни милиция — у каждой дачи человека с ружьем не поставишь... Каково состояние дачного хозяйства?

— После зимы, конечно, приходится делать косметические ремонты — красить, стекла вставлять, подправлять кое-что...

Будем стараться все сделать по возможности побыстрее и покачественнее. В этом году, в отличие от прошлого, у нас и из материалов многое есть, так что должны успеть все сделать.

— А есть ли кому заниматься ремонтом? Кадровая проблема одна из самых больших...

— Пока в этом вопросе у нас более-менее благополучно... Но еще нужно бы взять на работу маляра, плотника. Зарплата у наших работников повысилась — не очень большие деньги по нынешним временам, но все-таки. Дворник получает 500 рублей, да прогрессивка 40 процентов, плотник — 650 да прогрессивка 50 процентов — то есть, где-то около 900 рублей. Люди есть, материалы тоже, так что все зависит от нас...

— Ваше хозяйство напрямую зависит от прибыли?

— Да, сколько мы получим от сдачи под аренду помещений, столько и сможем потратить на зарплату, материалы. Больше заработаем — и получить сможем больше, и материалов побольше заготовим на будущее. Никто нам никаких дотаций не дает, работаем на себя: сдадим в аренду — хорошо, если не сможем сдать — винить некого, кроме нас самих...

— Что же, остается пожелать вам и отдыхающим на вашем дачном хозяйстве людям, удачного сезона...

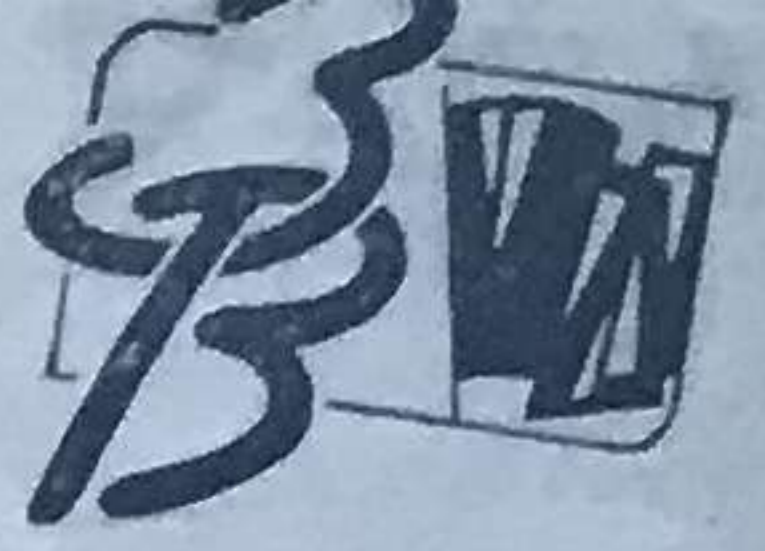
— Спасибо. А уж мы со своей стороны постараемся сделать все, чтобы было поменьше упреков в наш адрес...

Сезон 92-го года будет нелегким для дачников — многие из тех, кто раньше по привычке снимал дачу в Комарово или Репино, сейчас просто не смогут себе этого позволить — для пенсионера сумма в тысячу рублей даже сейчас весьма велика. Но и сетовать особенно не приходится — тысяча-полторы рублей в год все-таки меньше, чем 5-6 тысяч за месячный отдых в санатории или доме отдыха... Так что, по всей вероятности, в этом году не повторится прошлогодняя ситуация, когда пригодные для жилья дачи так и остались пустыми на все лето.

В. ЯКОВЛЕВ

В связи с многочисленными пожеланиями зеленогорцев, гостей города, совета ветеранов, 6 апреля в 13.00, в помещении библиотечно-культурного центра состоится повторный показ кинохроник и слайдов по материалам Зимней войны. Историко-краеведческое объединение «Карелия» приглашает всех желающих посетить выставку «105 кровавых дней».

Г. С. УСЫСКИН,

доктор
исторических
наук

цо, я хотела остаться, но он настаивал Уверенная в том, что со мной ничего не случится, что я вернусь в этот же день к нему, а между тем откладывать эту поездку, которую я тоже находила необходимой, — значит действительно рисковать возвращением, я наскоро собралась, дала необходимые распоряжения санитару, попросила сестру милосердия почаще навещать больного, и, прощаясь с мужем, заявила ему, что

в городе. Я обратилась к моей случайной попутчице, к девушке, которая покинула со мной вместе вокзал, не может ли она указать мне гостиницу или меблированную комнату, но она торопилась, видимо, охваченная страшно жутко и пусто, и, время от времени, раздавались выстрелы. Впереди, в темноте, около моста и на мосту, виднелись человеческие фигуры с ружьями. Раз-

нет впускает меня в чистенькую комнату, освещенную электричеством. Было около двух часов ночи. Измученная морально и физически, я долго ворочалась в постели и заснула только часам к четырем, а в восемь была уже по пути к Питкеярви. Как я застану своего больного друга? Спал ли он? Я имела неосторожность обещать ему возвратиться в тот же день.

К 8 часам я уже была в санатории у постели мужа. «Ты уже приехала, — сказал он мне каким-то странным, чужим голосом. И лицо у него какое-то серьезное и торжественное... Не видела я в его глазах той радости, которая всегда меня делала счастливой, когда я возвращалась после разлуки. «Что с тобой? Отчего ты такой, точно не рад мне? — «Я был уверен, что ты не вернешься, что тебя задержат, что с тобой случится несчастье, что я буду отныне один, и я вчера целый день готовился к этому. Тяжело было. Но все можно пережить». — «Ведь я обещала тебе вернуться в тот же день и, во всяком случае, на другой день. И зачем ты настаивал, чтобы я поехала, и вид при этом имел совсем спокойный». — «Тебе надо было поехать. Я бы себе не простил, если бы не настоял. Проститься с сестрой было твоей обязанностью. Как ты ее нашла?» — «Очень плохо». И он прочитал на моем лице, что я не застала ее уже в живых. Он замолк.

...Душевное спокойствие или душевная ясность в настроении мужа длилась недели три. К концу марта к нам опять явился Лев Григорьевич Дейч. На этот раз, как и в первый, привез он письма и газеты, котомка за спиной его была наполнена всякой живностью. Приехал Лев Григорьевич с намерением остаться с нами надолго, помочь мне в уходе за мужем и, вместе с тем, взять у него кое-какие биографические сведения, написать под его диктовку воспоминания, распросить его о разных животрепещущих вопросах. Эти намерения нашего старого друга меня, признаться, озабочивали. Плеханов алчно набросился на вновь прибывшего, требуя известий, впечатлений. В течение двух дней шли оживленные беседы в комнате моего больного. Последний был бодр, слушал, отзывался на события, давал характеристику «товарищам», стоявшим у власти, припоминая эпизоды из своих столкновений во время эмиграции с «хитрым мужичком» (Лениным) и «Лассалем» (Троцким). Когда я накладала «вето» на разговоры, Лев Григорьевич спохватывался и сам рассказывал из прошлого или читал мужу вслух Мопассана.

...Ночь была спокойна. Разбужена была я утром, часов в 7, от стонанья моего Жоржа. Быстро вскочив, я открыла электричество и увидела смертельно бледное лицо Плеханова, а в руках, пропитанный кровью платок. Успокоив его словами: «Кровохарканье не опасное, мы скоро его оставим», я побежала за сиделкой, так как звонок в этом бывшем когда-то санатории не действовал...

Целый день мы с Львом Григорьевичем не отходили от постели мужа, и грели его холодные руки в своих руках. Кровохарканье длилось целый день и повторилось с некоторой силой к вечеру. К ночи больной, под влиянием нового впрыскивания морфия, с пузырьком льда на груди, спокойно заснул. Кровохарканье, в уменьшенном виде, длилось еще два дня, а на четвертый все улеглось. Муж сделался бодрее, счастливая улыбка человека, избежавшего смертельной опасности, появилась на устах, и он весело сказал: «Ну, я счастливо отделался, поживем еще немало».

Мы были счастливы, что отделались, как говорил Плеханов, так дешево, но через десять дней, приблизительно после памятного утра, Георгий Валентинович прос-

нулся часов в 12 с легким приступом кашля, за которым последовало тяжелое удушье, длившееся недолго, но сильно утомившее и обеспокоившее мужа. Эти удушья повторялись с большой правильностью каждую ночь... Днем он чувствовал себя недурно, но не было уже тех сил и той мозговой энергии, которую проявлял Плеханов до рокового утра 19 марта. Больной мой уже не настаивал на серьезном абстрактном чтении, не делал записей. Произошел крутой поворот в здоровье Георгия Валентиновича, и наша жизнь в санатории вошла в безысходную трагическую полосу. Я в отчаянии и бессилии следила за тем, как покидают его силы, и процесс в легких все ухудшается. Лев Григорьевич и доктор санатория оставили свой оптимизм.

Плеханов начал задумываться над близостью конца и, несмотря на мой протест, диктовал Льву Григорьевичу завещание и торопил его переписать и найти необходимых свидетелей. Он так же охотнее, чем прежде, говорил о себе, о своем детстве, о своем отце...

Около 25-го апреля Лев Григорьевич заявил нам, что ему надо вернуться в Петроград, так как он обещал быть на заседании, где будет обсуждаться вопрос о материальном обеспечении В. И. Засулич... Как я жалела впоследствии, что не удержала нашего друга и не воспотвизилась его отъезду. В самую тяжелую минуту моей жизни я была одинока без близкого, без помощи, а Георгий Валентинович умирал с тоскливой мыслью, что он оставлен друзьями.

Теперь, когда я приближаюсь к концу рассказа о нашей второй эмиграции, к тяжкому периоду нашей жизни в Финляндии, я для большей ясности нашего положения, хочу сказать несколько слов об окружающей нас внешней и внутренней обстановке...

Когда мы покидали Россию, сношения с Финляндией были хотя и не свободны, но паспорта выдавались сравнительно легко. Это было до захвата власти финляндскими социал-демократами. Но скоро произошел социалистический переворот, и началась гражданская война. Строгости в выдаче пропусков в Финляндию, из Финляндии в Россию усилились... Мы были очень огорчены этой редкостью отношений, трудностью в добывании газет, полученных сведений с родины. Но, все-таки, мы не были совершенно оторваны от нее. Так длилось до конца апреля.

Владычество социал-демократов и, вызванная им, гражданская война, хотя и внесла сильные ухудшения в условия жизни санатория (уменьшение количества и ухудшение качества хлеба, ухудшение качества молока и вздорожание платы за содержание), но, в общем, мы на товарищеской жаловаться не могли. Сколько мне помнится, местная социалистическая администрация всячески старалась, чтобы в санатории было все необходимое доставлено, хотя ей было заведомо известно, что симпатиями она среди жильцов не пользуется. Раз даже к доктору явились красногвардейцы и заявили ему, что они знают, что за столом санатория ведутся антиреволюционные разговоры, чтобы этого не было, иначе власти будут вынуждены закрыть санаторию. Доктор завел, который рассказал нам об этом посещении, тут же выразил уверенность, что недолго им царствовать, что победят, несомненно, белогвардейцы, и тогда санатория будет благоденствовать. Все будет: и мука, и хлеб, и молока вдоволь. Но этим иллюзиям директора санатория Питкеярви не пришлось осуществиться: после вступления белых в нашу край, санаторий почти совсем не мог существовать, и большинство больных, среди которых были очень тяжелые, были отправлены в Петроград.

Окончание в следующем номере.

ВОСПОМИНАНИЯ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ, пролежавшие 72 года

(Продолжение. Нач. в № 12).

ВРЕМЯ пребывания Г. В. Плеханова в финляндском санатории надо разделить на два периода. В первый, от 28-го января с.с. до 18 марта, Георгий Валентинович, хотя и мучился температурой, кашлем, был бодр, работал серьезно, делал записи, охотно беседовал с изредка посещавшими его друзьями. Второй период — период медленного угасания, начался 18 марта. Но об этом последнем периоде — впереди. Работа мысли, несомненно, утомляла его, но он забывался за ней. Она давала ему душевное спокойствие.

...Я с ужасом видела, что 5-ти недельное пребывание в санатории ухудшило состояние Плеханова, я не делала себе иллюзий и глубоко порицала себя за то, что покинула с моим больным Петроград. Там он не был бы одинок и в последние дни его жизни был бы окружен друзьями и почитателями. Я виновата в том, что он умрет в одиночестве.

Около 10-го марта явился к нам Лев Григорьевич Дейч. Мы обрадовались ему, как отцу родному. И я, и муж очень любили нашего старого друга, и я предвидела для Георгия Валентиновича ряд хороших часов.

...Лев Григорьевич в первое свое посещение пробыв у нас три дня. За это короткое время он оказал неизмеримое благо не только нам, но и всем жителям мертвого дома. В первый же день приезда он перешагнул со всеми, читал собравшимся вокруг столов больным газеты, рассказывал, что делается в Петрограде. В следующие дни он был уже чуть ли не со всеми близко знаком: знал их семейное положение, чем живут, нуждаются ли в средствах. К нему посыпались жалобы и просьбы. Он взял на себя по возвращении в Петроград, поведаться с родными, мужьями, женами, одной дал обещание найти для мужа работу.

«Вам надо бы поехать в Петроград, проститься с умирающей сестрой», — сказал мне Лев Григорьевич при муже... На другой день утром Георгий Валентинович сказал мне твердым голосом: «А тебе, Роза, надо непременно поехать повидать Анну Марковну, я не хочу, чтобы из-за меня ты лишила ее последней радости. Я отдохнул за ночь, чувствую себя лучше. Ты непременно должна поехать».

Температура в это утро была не высока. Пульс хороший. Не нравилось мне только грустное лицо мужа. Решение это ему много стоило и вид его говорил: «Чувствую, что не увижу тебя, но так надо, ты должна исполнить свою обязанность по отношению к сестре». Мне очень тяжело было видеть грустное ли-

цо, я хотела остаться, но он настаивал Уверенная в том, что со мной ничего не случится, что я вернусь в этот же день к нему, а между тем откладывать эту поездку, которую я тоже находила необходимой, — значит действительно рисковать возвращением, я наскоро собралась, дала необходимые распоряжения санитару, попросила сестру милосердия почаще навещать больного, и, прощаясь с мужем, заявила ему, что

в городе. Я обратилась к моей случайной попутчице, к девушке, которая покинула со мной вместе вокзал, не может ли она указать мне гостиницу или меблированную комнату, но она торопилась, видимо, охваченная страшно жутко и пусто, и, время от времени, раздавались выстрелы. Впереди, в темноте, около моста и на мосту, виднелись человеческие фигуры с ружьями. Раз-

давались какие-то зловещие перекликивания. «Вы видите, барыня, надо спешить, я не могу так медленно. Нас могут пристрелить». Так говорила, убегая от меня, моя спутница. Я попросила ее взять меня к себе ночевать. Но она решительно отказала, заявив, что она сама едет в гости к родным и не может привести с собой чужих людей». Издали она крикнула: «Вот там, за мостом, имеется какая-то гостиница, первый переулоч направо, на углу». Я вышла на широкую улицу, и, действительно, оказался какой-то плохой дом. Свет проходил через плохо прикрытые ставни. Я начала звать, стучать. Ни звука. Пошла дальше, мороз был трескучий, я озлябла и устала. На улицах пусто, темно, нет ни души, и не к кому обратиться за указанием. Вдруг, в темноте различил человеческую фигуру. Я остановилась. Ко мне приблизился красногвардеец с красной повязкой вокруг руки, человек лет тридцати пяти с мужественным, красивым лицом. На мой вопрос: где бы мне найти место для ночевки, он предложил следовать за собой. Долго мы шли. Наконец он остановился перед каким-то домом. «Здесь сдаются меблированные комнаты, может быть, вам дадут переночевать». Сказав это, он поспешил удалиться. Я просила его подождать прово-дить меня до гостиницы на случай если здесь не найду ночлега. Но красногвардеец заявил, что он мною заняться не может. Передо мной стоял деревянный двухэтажный дом, погруженный в глубокую тьму, но наружная лестница, ведущая во второй этаж прямо с улицы, была открыта. Я начала подниматься и вдруг услышала сердитое рычание. Всмотревшись в темноту, я различила промадную собаку, стоящую на площадке и, видимо, охшующую на площадке и в квартиру. Сорвавшую вход в квартиру. Собака была над моей головой и, если бы она отлучалась более воинственным нравом, то она бы одним прыжком могла свалить меня и сбросить с лестницы.

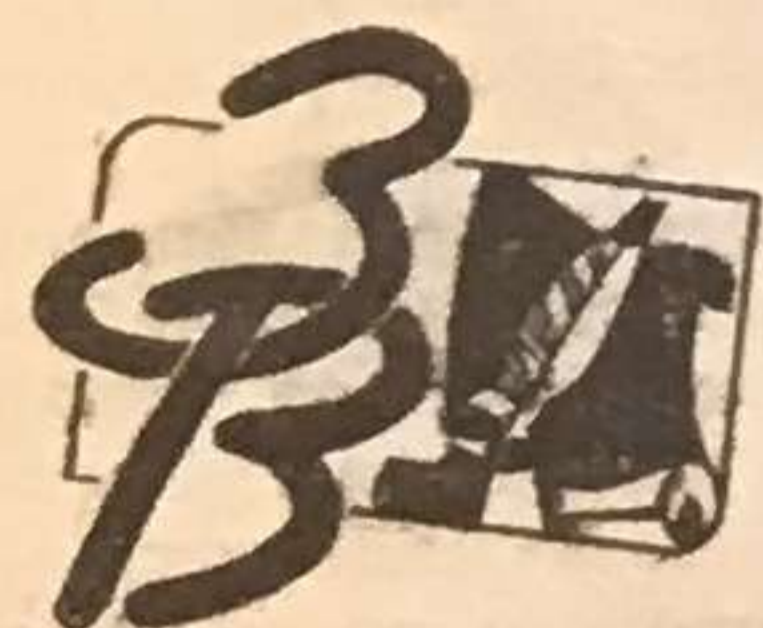
Сознаюсь, на меня нашла некоторая робость, и в голове мелькнула мысль, не податься ли назад. Но позади темная, безлюдная и бесприютная улица, впереди, все-таки надежда на ночлег. Я поднялась, поравнялась со зверем, который оказался добродушным, и поступалась в двери. Долгое время не открывали. Я возобновила и усилила стук. За дверью послышались шаги, шептание, наконец вопрос: «Кто там? Нет ли у вас комнаты, чтобы переночевать?». Опять шептание и долгое ожидание и, наконец, решительные шаги к дверям, дверь приотворяется, молодая девушка высовывает голову и, убедившись, что я одна и ничего страшного

93-2495/14

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ВЕСТНИК

УЧРЕДИТЕЛЬ — ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ № 14 (64) АПРЕЛЬ 1992 г. Цена свободная.

В НОМЕРЕ:

2.

ТЕРИЙОКСКИЙ ДНЕВНИК

ПО СВОДКАМ МИЛИЦИИ.
ОБ АВАРИИ НА АЭС.
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ «ЗВ».
ГРОЗНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ.

4.

ВСЕ О МУЖЕ

ОКОНЧАНИЕ ВОСПОМИНАНИИ Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ

КРОССВОРД

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

5.

ЧТО СУЛЯТ НАМ ЗВЕЗДЫ

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НА АПРЕЛЬ

7.

ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ

8.

РЕКЛАМА

КООПЕРАТИВ

«ВЕРОНИКА»

ЭТО:
ведущие врачи-гомеопаты Санкт-Петербурга всех специальностей, терапевты, эндокринологи, хирурги, невропатологи, окулисты, дерматологи, ЛОР-специалисты, педиатры, гинекологи.

ЭТО:
ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ специалисты традиционного метода лечения: гинекологи, аллергологи, гастроэнтерологи, кардиологи, психоневрологи, урологи, сексопатологи.

ЭТО:
ранняя диагностика и лечение опухолевых заболеваний молочных желез врачами-онкологами и ведущим специалистом-маммологом доктором мед. наук, профессором Сидоренко Л. Н.

ЭТО:
иридодиагностика на импортной установке иглорефлексо-терапия, мануальная терапия, опытный логопед, лечение зубов импортными пломбировочными материалами.

Работает косметический кабинет. Заключаются договоры с предприятиями на лечение по безналичному расчету.
НАШ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ЖЕЛАНИЕ ВАМ ПОМОЧЬ В ОТВЕТ НА ВАШЕ ДОВЕРИЕ—НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ И ГАРАНТИЯ УСПЕХА.

Адрес: Выборгская наб., 65, станция метро Черная Речка. Автобус 46. Телефоны: 246-28-91, 242-08-81.

СП «ИНТЕРПЕН»

предлагает предприятиям, организациям и частным лицам по низким ценам туристические путевки по маршрутам:

ИНДИЯ (3, 7 и 14 дней),
ПОЛЬША (3 дня),
КИТАЙ (3, 8 дней),
ТУРЦИЯ (2 дня),
ИТАЛИЯ (7 дней),
ГРЕЦИЯ (7 дней),
ФИНЛЯНДИЯ (2 дня).

Адрес: С.-Петербург, ул. Ракова, д. 3, комната 8, телефон: 219-13-71, с 10 до 18 часов.

САЛОН ВИДЕОПРОКАТА

адрес: Зеленогорск, пр. Ленина, 15 (ПРЭО) с 17.30 до 20.30 ежедневно.

Садовый домик по шведскому проекту доступный каждому предлагает

производственная фирма «РИТМ»
САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ
ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО
БЫСТРАЯ СБОРКА

Садовый шведский домик фирмы «РИТМ»

Фирма также производит строительство разных домов и коттеджей из своих материалов.
ПРИМОРСКИЙ ПРОСПЕКТ, 56
Тел. 239-31-60.
1—2

РЕШЕНИЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

от 19.03.92 г. № 42
13 сессии 21 созыва

Об отмене распоряжения мэра

Санкт-Петербургский городской Совет народных депутатов РЕШИЛ:

В соответствии со ст. 149 Конституции РСФСР и ст. 33 п. 4 Закона РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» отменить, как противоречащее действующему законодательству, распоряжение мэра Санкт-Петербурга от 24.02.92 г. № 200-р об освобождении от обязанностей главы Зеленогорской городской администрации, бывшего народного депутата городского Совета В. Н. Родина (окр. 358), депутатские полномочия которого были прекращены досрочно решением 11 сессии Горсовета от 15.11.91 г. № 31.

Председатель Совета

А. Н. Беляев

МЭР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

РАСПОРЯЖЕНИЕ

от 24.03.92 г. № 292-р

О кадрах

Отменить распоряжение мэра Санкт-Петербурга от 24.02.92 № 200-р в соответствии со статьей 36 Закона РСФСР «О статусе народных депутатов местного Совета народных депутатов в РСФСР».

Мэр

А. А. Собчак

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЯ:

6 апреля в здании городской библиотеки состоялась встреча В. В. Козырицкого с депутатами, избирателями, представителями общественности.

7 апреля представитель мэрии В. Голубев представил В. Козырицкого аппарату администрации в качестве исполняющего обязанности главы администрации Зеленогорска.

ИНСТИТУТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

при Санкт-Петербургском Университете экономики и финансов проводит набор в группу «начинающих бухгалтеров», в программе новый план счетов.

Занятия будут проводиться два раза в неделю по вторникам и четвергам с 5 мая по 15 июня в школе № 611 с 16 до 19 часов.

Стоимость обучения 1510 рублей.

Выдаются удостоверения установленного образца.

Будет проведен семинар для практикующих бухгалтеров по новому плану счетов.

Справки по телефону 310-38-62. Александр Иванович.

Мебель фирмы «УЮТ»

Уникальная кухонная мебель фирмы «УЮТ», изготовленная специально для Вашего помещения из ценных пород дерева с использованием импортных материалов, оснащенная мойкой из нержавеющей стали.

Высокое качество гарантируем.

Оплата за наличный или по безналичному расчету.

Вам надо только захотеть — остальное — наши проблемы!

Адрес: 194223, пр. Шверника, 15. Телефон 557-41-95.

Публичная библиотека

Воспоминания Р. М. Плехановой, пролежавшие 72 года

[Окончание. Нач. в №№ 12 13]

Приближение и победа белой гвардии была катастрофой для нашего мертвого дома. Среди низшего служащего персонала началась настоящая паника: почти весь он, в особенности финляндская часть, сочувствовали социалистическому финляндскому правительству и, так или иначе, помогали Красной гвардии. Одна из наших самых милых девушек за несколько дней до прихода финляндско-шведско-немецкой армии в наши края, отправилась в Красную армию в качестве сестры милосердия и погибла на своем славном посту несколько дней спустя. Вообще, я считаю обязанностью своей сказать здесь, что в нашу бытность в финляндском санатории мы ничего не слышали о жестокости финляндской Красной гвардии. Наоборот, «культурность» маленькой Финляндии сказывалась и в деяниях революционного народа, и ее революционных вожаков, только здесь, в Европе, я слышала о жестокостях, будто бы продельанных, финляндской Красной армией. Я этому не верю, а что белая гвардия после победы прибегла к жестоким кровавым репрессиям — это факт, не отрицавшийся и буржуазией.

Паника, сказавшаяся среди служащих санатория, вызвала их повальное бегство, и мы остались без санитаров и с очень немногочисленной прислугой. Единственная сестра милосердия на весь дом, очень милая, но, слабая здоровьем девушка, падала с ног от усталости. А между тем, в состоянии здоровья мужа в последних числах апреля произошла сильная перемена к худшему... Его покинула энергия борьбы с болезнью. Я видела в этом начало катастрофы и не ошиблась.

Состояние его ухудшалось с каждым днем. Ночные припадки удушья, исчезнувшие было под влиянием сильных доз дионина, вернулись и сделались мучитель-

но длинными... 15-го мая, рано утром муж проснулся в тоскливой тревоге и вскрикнул: «Я задыхаюсь. Я умираю». Я подскочила к нему приподняла его, освободила тампоном его горло от массы густой гнойной слизи, он вздохнул свободнее и лицо приняло более спокойное выражение. Тут же он попросил меня взять карандаш, бумагу, намериваясь сейчас же продиктовать детям прощальное письмо...

Начиная с 20-го мая состояние мужа ухудшалось с каждым часом, и дело пошло быстрым темпом к трагической развязке.

21-го утром Георгий Валентинович озадачил вначале, а потом поразил меня, точно тяжелым ударом, вопросом: «Кто мне писал из берлинцев?». Плеханов начал бредить. Нашли сумерки на ясный, глубокий ум. Это было невыносимо. Это тяжелее было вынести, чем его физические страдания.

...В бреду, как наяву, он защищал эти любимые, дорогие ему, идеи, от каких-то, ставших перед его глазами, врагов. (Дня за три до кончины, после легкого обеда, он заснул, казалось, спокойно, но короткое время спустя, открыл глаза, начал страстным шепотом говорить, глаза у него горели гневом и обличием, и, вдруг, сделав энергичный жест рукой, громко сказал: «Пусть не признают моей деятельности, я им задам». Уверенность в правоте своей, в правоте дела, которому он отдал жизнь, из-за которого претерпел скитания и длинное изгнание, не оставляла его и в минуты мучительной болезни).

28-го мая утром, после припадка удушья, у моего уходящего друга было такое страдальческое, измученное лицо, что я не могла смотреть на него без слез, и, несмотря на все мои усилия, они брызнули из моих глаз. Георгий Валентинович сделал мне строгий заслуженный выговор: «Что ты,

Роза, как тебе не стыдно. Мы с тобой старые революционеры и должны быть тверды — вот так», причем он согнул в кулак свою слабую, дрожащую руку...

Ночь с 29-го на 30-е была ужасно недурна. Не было припадков кашля, ни последующего удушья. В шесть часов утра он проснулся с большой жаждой. Выпил почти залпом стакан теплого чая с молоком и сказал: «Восхитительно» (по-французски), с таким ясным, отчетливым произношением, что поразил меня и обрадовал...

Мое настроение все утро было радостное, приподнятое, на меня нашла какая-то странная слепота.

Попросив г-жу Эмерих приняться за еду, не дожидаясь меня, я вернулась к мужу, чтобы дать ему напиток. Я застала его в забытьи, и на мое предложение выпить чего-нибудь, он совершенно отчетливо спросил меня: «Разве уже пора? Кажется ты мне давала напиток четверть часа тому назад». Я сказала, что нет, прошло уже два часа. «Ну хорошо, в таком случае дай». Я подала ему маленький стаканчик чая с молоком. Едва вобрал ложку жидкости, он всплеснул руками, вскрикнул, моментально начались конвульсии лица и левой руки, и дыхание остановилось. Обезумевшая, я начала звать м-м Эмерих. Она не откликнулась несколько секунд, эти секунды мне показались вечностью. Немедленно позван был доктор, сиделки. А пока я, уверенная, что Плеханов задохся от глотка, начала делать ему искусственное дыхание, ритмическое вытягивание языка. Плеханов вздохнул еще раз, два, лицо покрылось смертельной бледностью, и когда доктор пришел минуты через три, сердце перестало биться.

Стокгольм. Декабрь 1918 г.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ Из воспоминаний Льва Григорьевича Дейча.

В первых числах июня как-то чудом добравшаяся из Финляндии в Петроград дама, протелефонировала мне, что Плеханов скончался 30 мая; при этом Розалия Марковна просила передать мне, чтобы я добыл разрешение привезти тело ее мужа в Петроград, ввиду желания умершего быть похороненным на Волковском кладбище, вблизи Белинского.

Несмотря на постоянное ожидание подобного сообщения, все же это известие ошеломило меня.

Три дня затем пришлось мне проехать на пограничной с Финляндией Белоостровской станции, пока удалось дать знать Розалии Марковне, что нет препятствий для привоза умершего Плеханова в Петроград.

На том же, Финляндском вокзале, на котором 14 месяцев перед тем, огромные массы разных слоев с восторгом встречали возвратившегося из изгнания Плеханова, теперь небольшая кучка близких друзей и почитателей ожидала прибытия деревянного гроба с бальзамированным телом его.

Советская власть, как известно, отдала распоряжение, чтобы рабочие не принимали никакого участия в похоронах Плеханова, ввиду занятой им в последние годы позиции. Наиболее сознательная часть пролетариата не посуждала этому распоряжению, и гроб его провожала огромная масса людей.

Ричард МЭТИСОН

ЛЕММИНГ

(Рассказ)

ОТКУДА их столько? — удивился Риордон. Отовсюду, — сказал Кармак.

Они стояли на обочине скоростного шоссе, бегущего вдоль берега моря. Насколько хватало глаз, вся дорога была забита машинами. Тысячами машин, стиснутых бампер к бамперу, бок о бок.

— Будет еще больше, — заметил Кармак.

Он всматривается в пеструю компанию, направляющуюся к песчаному берегу. Многие болтали друг с другом и смеялись, некоторые были молчаливы и серьезны.

Риордон покачал головой.

— Не врубаюсь я в это, — повторил он в сотый раз за эту неделю. — Не врубаюсь, и все тут.

Кармак пожал плечами.

— Не думай об этом, — сказал он. — Это случилось. Что ты еще хочешь?

— Похоже на сумасшествие... — А они все идут и идут.

Компания между тем пересекла серую полосу прибрежного песка и вошла в воду. Они заходили все глубже и глубже, потом поплыли. Кармак увидел, как беспомощно барахтается девушка в тяжелой шубе, которая тянет ее на дно.

Через несколько минут на поверхности не осталось никого. Полицейские Кармак и Риордон тупо уставились на то место, где только что были люди.

— И долго это будет продолжаться? — спросил Риордон.

— Пока все не уйдут, — ответил Кармак.

— Но почему?

— Ты слышал когда-нибудь о леммингах?

— Нет.

— Это грызуны, которые живут в скандинавских странах. Они размножаются, пока есть пища. Когда запасы кончатся,

они устремляются в другие места, опустошая все на своем пути. Море не останавливает их. Они бросаются в воду и плывут, пока не иссякнут силы... Их — миллионы.

— Ту думаешь, что это... — начал было Риордон.

— Может быть, — отрезал Кармак.

— Но, люди ведь не грызуны!

Кармак промолчал.

Они стояли и ждали. Никто не появлялся.

— Кажется, все — сказал Риордон.

— Все!

— Это продолжается уже больше недели. Сюда приезжали со всех концов. А потом, есть же еще озера.

Риордон вздрогнул.

— Все, — пробормотал он.

— Не знаю. Но раньше они подвезжали беспрерывно.

— О, Господи, — выдохнул Риордон.

Кармак достал сигарету и закурил.

— Ну, — сказал он, — что теперь?

Риордон вздохнул.

— Ну? — чуть слышно спросил он.

— Ты первый. Я подожду.

— Хорошо, — согласился Риордон и протянул руку. — Прощай, Кармак.

— Прощай, Риордон.

Дымя сигаретой, Кармак наблюдал, как его друг пересек серую полосу, как вошел в воду... как проплыл несколько ярдов, прежде чем исчезнуть.

Кармак отбросил сигарету и осмотрелся. По всему побережью стояли машины, миллионы пустых машин.

Он сплюнул и пошел к воде.

1957 г.

(Перевод с английского А. КУДРЯШОВА и П. МУХИНА)

НЕИЗВЕСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Быстрый кавказский народный танец. 8. Комик советского цирка, народный артист СССР, Герой Социалистического труда. 9. Драгоценный камень. 11. Перо с широким концом. 12. Отечество, родина. 13. Высший орган руководства вооруженными силами во время войны. 17. Соединение двух и более стихов, составляющих единое ритмическое и интонационное целое. 19. Поэма В. В. Маяковского. 20. Владелец или арендатор специализированного животноводческого хозяйства. 21. Ядовитая змея. 24. Соцветие с толстой остью, на которой плотно сидят цветки, семена. 26. Самая высокая вершина Армянского нагорья. 27. Небольшой кинжал с тонким трехгранным клинком. 31. Защитник в суде. 33. Взрывчатое вещество. 34. Игральная карта. 35. Вьющееся южное кустарниковое растение. 36. Постоянная или временная постройка, предназначенная для торговли.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Большой вырез в верхней части женского платья. 2. Хищное животное из семейства кошачьих. 3. Быстрое движение прыжком. 4. Самый

глубокий континентальный водоем земного шара. 5. Молодой спортсмен. 6. Картина, изображающая природу. 10. Работник радио и телевидения. 14. Артистический коллектив певцов и музыкантов. 15. Средство связи. 16. Садовые ножницы. 18. Научное сочинение. 22. Русский советский писатель, Герой Советского Союза, автор романа «Полководец». 23. Крупное музыкально-драматическое произведение для хора. 25. Жанр художественно-публицистической литературы. 28. Документ, удостоверяющий те или иные полномочия предъявителя. 29. Большой кривой турецкий кинжал. 30. Цикл стихов А. А. Блока. 32. Русское название жилища кавказских горцев.

32. Сакля. 33. Попух. 34. Баран. 35. Виноград. 36. Лавильон. 37. Оратория. 25. Фелетон. 28. Секатор. 18. Трактор. 22. Карпов. 14. Каналья. 15. Телефон. 16. Юмор. 6. Ландшафт. 10. Диктор. 11. Перо. 3. Сканок. 4. Байкал. 5. По ВЕРТИКАЛИ: 1. Декоратив. 2. Град. 36. Лавильон. 33. Попух. 34. Баран. 35. Виноград. 27. Стилет. 31. Адаккат. 21. Ладок. 24. Понатор. 26. Мер. 19. «Немовек». 20. Феррер. 19. «Немовек». 13. Ставка. 17. Гон. 12. Откизна. 9. Топаз. 11. Рон-ин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ФАКТ НЕ ПОДТВЕРДИЛСЯ

В 12 номере «ЗВ», в материале «Криминальные вести», по данным сводки ГОВД, сообщалось о продаже телевизора из фабрики-прачечной Лентерсовета. В результате проверки факт хищения не установлен.

ПРОДАЮТСЯ

Продаются поршни с кольцами для мотоцикла «Урал». Тел. 231-49-73.

